

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE MOVING FINGER

Copyright © 1943 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, MARPLE and the Agatha Christie Signature
are registered trademarks of Agatha Christie Limited
in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha
Christie Limited. Used with permission.

<http://www.agathachristie.com>

Кристи, Агата.

К82 Каникулы в Лимстоке / Агата Кристи ; [перевод с английского Т.В. Голубевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-112449-6

Где еще после госпиталя отдохнуть летчику, выжившему в авиакатастрофе, как не в маленькой, тихой деревеньке вдали от цивилизации? Но покой ему только снится — приходят анонимные письма, по деревне прокатывается серия загадочных убийств. Распутать клубок событий способна лишь гениальная мисс Марпл!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112449-6

Глава 1

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнейших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешитель-

ным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлопнул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

— Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удержите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива — вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь.

Итак, Лимсток — и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали — крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами. Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный, унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему — очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое — сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена... И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бэртон перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бэртон — Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как сказала Джоанна. Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, любящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра — большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена — с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из вил-

лы «Прайорз Лодж»; и наконец, мисс Эмили Бэртон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

— Я не знала, — как-то сказала она голосом, полным непонимания, — что есть люди, которые действительно приходят *в гости*, чтобы играть *в карты!*

— Это потому, — объяснил я, — что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она — законченная горожанка.

— Во всяком случае, — заявила Джоанна, — я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не считал возможным согласиться.

— Нет, — сказал я, — ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрав их под пару... но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто... И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще — старые, хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, — добавил я.

— Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

— Вот именно, — сказал я. — А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

— Боюсь, ты будешь ужасно скучать, — предположил я, испытывая угрызения совести.

— Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все забыть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она выслушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, — до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось недельки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне — нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком по-

лучали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга — совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из книги и наклеенные на лист бумаги...

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы с Джоанной не были братом и сестрой.

— Эй, что это такое? — спросила Джоанна.

— Это очень грязное анонимное письмо, — ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

— Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма — грубые, внушающие отвращение — по возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

— Какая жуткая гадость! Я слыхала об анонимных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

— Не могу сказать, — ответил я. — Для меня это тоже впервые.

Джоанна захихикала.

— Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

— К тому же, — сказал я, — нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка — очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты — на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

— Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

— Кто-то и не подумал, — сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с *этим* сделаем.

— Я полагаю, будет наиболее верным, — предложил я, — сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна заплодировала.

— Ты это проделал великолепно, — сказала она. — Тебе просто необходимо пойти на сцену. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

— Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, — согласился я. — Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

— Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, — сказала Джоанна. — Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

— Удивляюсь, — сказала она, — кто мог написать такое?

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем, — предположил я.

— Я тоже так думаю. — Она помолчала немного и продолжила: — И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они... я думала, нас здесь полюбят.

— Так оно и есть, — сказал я. — Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

— Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, ре-

шил, что сестра права. Это действительно гадко. Кого-то возмутил наш приезд сюда... кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны... кто-то хотел причинить боль. Возможно, лучшим выходом было посмеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

— Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

— Не то, — сказал я. — Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

— Вы хотите сказать, что и *вы* получили одно из них?

Я заинтересовался:

— А что, здесь такое случается?

— Да. С некоторых пор.

— О, — сказал я, — понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

— Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто... — Он помолчал и спросил: — О чем там го-

ворилось? По крайней мере... — Он внезапно покраснел и смутился. — Возможно, я не должен был спрашивать?

— Я с удовольствием отвечу вам, — сказал я. — Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смуглое лицо доктора налилось гневом.

— Проклятье! Ваша сестра... надеюсь, она не слишком расстроилась?

— Джоанна, — пояснил я, — не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

— Да уж надеюсь, что не приходилось, — сказал Гриффитс.

— И в любом случае, — сказал я уверенно, — здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

— Да, — сказал Оуэн Гриффитс, — всего лишь...

Он замолчал, и я быстро подхватил:

— Совершенно верно. Всего лишь слова.

— Беда в том, — сказал он, — что такого рода вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

— Могу вообразить.

— Безусловно, это патология.

Я кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? — спросил я.

— Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо — отправленное одному человеку или группе лиц, — то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора — уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели — заменить какие-то разрушенные надежды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок выследят и поймают (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году — когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала